

**Языковое выражение категорий психотерапевтического дискурса
(на материале романа И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство»)**

**Т. А. Кудинова, Н. В. Сумина
(РГСУ, Ростов-на-Дону)**

При описании разнообразных видов дискурсов (прежде всего институциональных) лингвистами выделяются следующие категории: содержание дискурса, его участники, его хронотоп, функции, ценности, системообразующие концепты, жанры, а также используемые стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия [2, 3, 5]. Психотерапевтический дискурс относится к дискурсам институциональным, т.к. психотерапия является социальной практикой, наряду с практикой медицинской и религиозной, особенностью которой является сила, вызывающая к жизни.

Языковое выражение основных категорий психотерапевтического дискурса наглядно представлено как в оригинальном, так и в переводном тексте произведения Ирвина Ялома «Шопенгауэр как лекарство». Автора называют создателем специфического жанра – психотерапевтического романа. Ирвин Ялом – известный американский психотерапевт – моделирует пространство профессионального дискурса. В центре романа психотерапевтические сессии доктора Джулиуса Хертцфельда, *alter ego* автора. Для номинации психотерапевта автор использует следующие синонимы: *effective healer* (эффективный целитель), *group leader* (лидер группы), *therapist* (терапевт), *doctor* (доктор), *priest* (священник), *shaman* (шаман).

Психотерапевт доктор Джулиус Хертцфельд узнаёт о своей смертельной болезни и о том, что у него в запасе «один хороший год». Он старается осознать свою жизнь и свою профессиональную деятельность в свете нового знания – знания срока конца. Жизнь и смерть становятся для Джулиуса постоянными участниками его последнего года. Он теперь знает, что эти предельные противоположности связаны в том смысле, что в каждом мгновении жизни присутствует смерть. При этом слово «жизнь» изменяет свои коннотации: это не просто продолжение жизни, а её интенсивность, ощущение себя живым.

Очевидно, что психотерапевтический дискурс оперирует «телеономными концептами», являющимися, по выражению С.Г. Воркачёва, «высшими духовными ценностями, образующими и воплощающими для человека нравственный идеал, стремление к которому создаёт моральную оправданность его жизни» [1, 37]: *жизнь – смерть, любовь*. Означающие концепта *жизнь* в романе представлены следующими словосочетаниями: *miraculous blessed interval of being and self-awareness* (в русском переводе *удивительный, блаженный миг сознания и бытия* лексема *interval – интервал* заменена на *миг*, что усиливает идею кратковременности земного пребывания человека); *priceless gift of sheer existence* (бесценный дар абсолютной и чистой реальности); *life is finite* (жизнь не вечна); *has no higher purpose or embedded design* (в ней нет смысла (дословно – нет более высокой цели) и навсегда заведённого порядка). Однако герой признаёт, что необходимо подчиняться её законам (*elegant laws* в переводе опущено), склонить голову перед таинством природы (*mystery of nature*) и продолжать жить (*go about the business of life*). Выражение *the business of life* вводит идею делового, спокойного отношения к жизни.

Психотерапевтический дискурс по своей природе метафоричен. Метафоре свойственны слияние образа и смысла; актуализация случайных связей (ассоциаций, коннотативных значений и смыслов); допущение различных интерпретаций, апелляция к воображению или интуиции, выбор кратчайшего пути к сущности объекта. Герой описывает жизнь, разворачивая образы театральной метафоры. Ср.:

<...> *And death's presence on the stage brought him closer to really knowing. It was not that he had grown wiser: it was only that the removal of **distractions – ambition, sexual passion, money, prestige, applause, popularity** – offered a purer vision. Wasn't such detachment the Buddha's truth? Perhaps so, but he preferred the path of the Greeks: everything in moderation. Too much of **life's show** is missed if we never take off our coats and **join in the fun**. Why **rush to the exit door** before closing time? [9].*

<...> ***Появление смерти** приблизило его к настоящему знанию. Не то, чтобы он вдруг, в единый миг, стал мудрее; просто теперь, когда **многое из того, что раньше мешало ему видеть главное – карьера, любовь, деньги, признание, слава**, – исчезло, его взгляд приобрел ясность. Может быть, об этой отстраненности и говорил Будда? Как бы то ни было, лично он предпочитал подход греков: всё хорошо в меру. Жить с постной миной, застегнутым на все пуговицы, – верный способ пропустить самое главное на **празднике жизни**. Стоит ли **спешить к выходу, не дождавшись последнего занавеса**? [6, 23].*

Присутствие смерти на сцене (*death's presence on the stage*) делает ненужными необходимые раньше жизненные декорации (*distractions – ambition, sexual passion, money, prestige, applause, popularity*). Человек находится в зале, смотрит на сцену, где разворачивается не драма, а праздник жизни (ведь присутствие смерти оттеняет жизнь; ср. английское *life's show*). Он волен присоединиться к нему (*join in the fun*), а не бежать в спешке и панике к выходу (*rush to the exit door*). В английском тексте театральная метафора поддерживается лексемами *stage* (*сцена*), *distractions* (*развлечения*), *show* (*шоу*), *fun* (*веселье*), *exit door* (*выход*). В русском же тексте она вводится переводчиком лишь в самом конце (ср. выражение *последний занавес*).

Джулиус учится умирать. Появление смерти на сцене «помещает его в точку роста», заставляет обрести смысло-жизненные ориентиры поведения. Эмоционально переживаемые концепты *mortality* (*смертность*) и его синоним *finiteness* (*конечность*) являются пусковыми механизмами повествования. Они придают огромную силу желанию Джулиуса быть эффективным профессионалом, чтобы, во-первых, оправдать свое существование на земле и, во-вторых, справиться со страхом смерти. Цель Джулиуса как психотерапевта – изменение / улучшение взаимоотношений его клиентов с окружающими людьми, при этом отношения в психотерапевтической группе являются моделью жизненно важных взаимоотношений.

Объясняя своему антагонисту и будущему клиенту Филипу Слейту, почему он отказывает тому в супервизии (супервизия – метод подготовки и повышения квалификации в области психотерапии; форма консультирования психотерапевта в ходе его работы более опытным, специально подготовленным коллегой [4]), Джулиус определяет психотерапию больше как призвание, нежели как профессию. Психотерапевт – это субъект, который заботится о других, уменьшает страдание, помогает людям вырасти (в плане личностного роста). Ср.:

<...> *I'll give you psychotherapy lesson number one <...> It's not ideas, nor vision, nor tools that truly matter in therapy. If you debrief patients at the end of therapy about the process, what do they remember? Never the ideas — it's always **the relationship**. They rarely remember an important insight their therapist offered but generally fondly recall their **personal relationship** with the therapist. And I'm going to venture a guess that this is even true for you. Why did you remember me so well and value what happened between us so much that you now, after all these years, turn to me for supervision? <...> I believe it was because of some **bond** you felt with me. I believe you might have some **deep affection** for me, and because our **relationship**, however difficult though it might have been, was **meaningful**, you are now turning to me again in the hope of some form of **embrace** [9].*

<...> Позволь мне преподать тебе первый урок психотерапии <...> Ни идеи, ни взгляды, ни приемы не имеют в ней никакого значения. Спроси бывших пациентов, что они помнят о своем лечении? Никто не заикнется про идеи – все скажут только про **отношения**. Мало кто помнит, что именно внушал им врач, но зато все с нежностью вспоминают свои **отношения с психотерапевтом**. Рискну предположить, что и у тебя было то же самое. Почему всё, что произошло между нами, так глубоко врезалось тебе в память, что даже теперь, спустя много лет, ты решил обратиться именно ко мне? <...> я уверен, это из-за того, что ты по-прежнему **ощущаешь свою связь со мной**. Думаю, ты был **довольно сильно ко мне привязан**, и именно потому, что наши **отношения**, при всей их сложности, были так для тебя **важны**, ты сейчас снова обратился ко мне в надежде **восстановить некий личный контакт** [6, 99].

В данном отрывке текст цементируется лексемами синонимического ряда, доминанта которого представлена концептом *relationship* (взаимоотношения). Выскажем предположение, что концепт *relationship* имеет дискурсивно-специфический характер: носители языка ощущают коннотации этого слова как принадлежащие именно психотерапевтическому (психологическому) дискурсу. Ср., например, такой контекст, обнаруженный нами на сайте <http://econlog.econlib.org/archives/>:

«*To my ears, the word "relationship" has long sounded like psycho-babble invented circa 1950. It's hard to imagine anyone in the 19th-century discussing their "relationships". Для меня слово "relationship", начиная с 1950 года, звучит как что-то, связанное с психологией. Трудно представить, чтобы в 19 веке кто-то обсуждал свои взаимоотношения ("relationships")*» (перевод наш).

В тексте И. Ялома концепт *relationship* представлен целым рядом языковых синонимов – слов и словосочетаний: однокоренной глагол *relate to their patients* (установить контакт с пациентом), существительные *bond* (*you felt some bond with me – ты ощущаешь свою связь со мной*), *affection* (*you might have some deep affection for me – ты был довольно сильно ко мне привязан*), *embrace* (*some form of embrace – некий личный контакт*). Само существительное *relationship* сочетается с интенсификаторами – прилагательными *personal relationship* (личностные взаимоотношения), *meaningful relationship* (значимые взаимоотношения). Следует обратить внимание, что, хотя это существительное и имеет форму множественного числа, однако употребляется преимущественно в единственном числе. В русском языке существительное *взаимоотношения* в значении «связи между людьми» получает только форму множественного числа.

Чтобы уточнить понятийную составляющую исследуемого концепта, обратимся к данным английской лексикографии. Так, в Словаре английского языка и культуры издательства Лонгман у слова *relationship* выделяется три значения: **1** a friendship or connection between people (дружба или связь между людьми); **2** (a) connection (связь между предметами, вещами); **3** the state of being of the same family (состояние родства, принадлежности одной семье) [7, 1123].

Данный словарь содержит лингвистический комментарий, дополнительно разъясняющий употребление слова *relationship* следующим образом: «*Relationship, when used of people, suggests a close connection with strong feelings: her relationship with her husband*. Слово *relationship*, употреблённое по отношению к людям, предполагает взаимоотношения, окрашенные сильными чувствами: *её взаимоотношения с мужем*» [7, 1123].

Словарь Activator, построенный по гнездовому принципу – лексико-тематическими группами, – в группу *relationship* включает следующие лексемы: глагол *relate to* и существительное *bond*.

Глагол *relate to* определяется как «*to be able to have a good relationship with someone because you understand how they feel and think. Иметь хорошие взаимоотношения с кем-то, потому что ты понимаешь, что твой собеседник чувствует и думает*» [8, 1101]. Вспомним, что Джулиус определяет психотерапевта как человека, который «*relate to the patients*», в переводе – «*устанавливает контакт с пациентами*». Однако русское «*устанавливает контакт*» не содержит семы «*понимать, что твой собеседник чувствует и думает*» в явном виде.

Существительное *bond* (*связь*) имеет значение «*a very strong relationship between two people or groups that makes it difficult for them to separate each other. Очень крепкие (тесные) взаимоотношения между людьми или группами людей, что делает затруднительным отделение друг от друга*» [8, 1101]. Интересно, что данное значение иллюстрируется следующим примером: «*It's almost inevitable that the client will form a very close bond with the therapist. Почти неизбежна ситуация, что клиент чувствует тесную связь с терапевтом*» [8, 1101].

Таким образом, концептуальное пространство психотерапевтического дискурса образуется концептами, общими с другими типами общения (в частности, телеономными концептами), а также концептами системообразующими (концепт *relationship*).

Концепт *relationship* имеет дискурсивно-специфический характер. Семиотическая плотность его представлена именем *relationship* и синонимическим рядом *relate to, bond, affection, embrace*. Психотерапевт, имеющий своей целью помочь клиенту выстроить значимые личностные взаимоотношения, прекрасно понимает, что думает и чувствует его клиент, разбирается, что именно происходит в его взаимоотношениях, дискурсе с этим клиентом.

Литература

1. Воркачёв С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: «Гнозис», 2007. – 284 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 309 с.
3. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
4. Психотерапевтическая энциклопедия http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychotherapeutic
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 326 с.
6. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство: психотерапевтические истории / Ирвин Ялом; [пер. с англ. Л. Махалиной]. – М.: Эксмо, 2011. – 544 с. – (Практическая психотерапия).
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 1998, 1568 p.
8. Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary. Longman Group UK Limited 1993, 1587 p.
9. Irvin D. Yalom The Schopenhauer Cure <http://www.gribuser.ru/xml/fictionbook/>